

ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ 11 ИЮНЯ 1907 г.

Положение Совета министров 11 июня 1907 г. о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений явилось, наряду с Манифестом 3 июня о роспуске Думы и изменении избирательного закона, одним из тех актов, которыми правительство Столыпина оформляло «юридически» временную победу реакции над революционным движением. Не случайно поэтому подготовка Положения, нанесшего удар по завоеванной в августе 1905 г. университетской автономии, проходила одновременно с подготовкой третьиюньского переворота.

В то же время на ходе подготовки Положения и на его содержании сказались особенности ситуации, существовавшей в высшей школе и вынуждавшей правительство Столыпина избрать в данном случае несколько иной курс, чем в своей общей политике. Если, осуществляя третьиюньский переворот, царизм при подготовке нового избирательного закона делал откровенную ставку на реакционные элементы, прежде всего на помещное дворянство, то в высших учебных заведениях об этом сделать не мог. Подавляющее большинство политически активного студенчества было за революционными партиями, профессура же в массе своей принадлежала к либеральному лагерю. Реакционные элементы студенчества (будущие черносотенные «академисты») еще не успели сорганизоваться, а заменить кадетских профессоров правыми Министерство просвещения не смогло бы, даже открыто поправив университетскую автономию и восстановив наспечаемость профессуры, поскольку за правыми шла очень небольшая часть преподавателей высшей школы.

Наступление на университетскую автономию царизм должен был планировать поэтапно, избрав в качестве ближайшей цели ликвидацию студенческих революционных организаций и пытаясь осуществить эту задачу в союзе с либеральной профессурой, тоже, хотя и по другим соображениям, стремившейся к изгнанию политики из стен высшей школы. Но это означало, что намечаемые правительством меры должны быть сформулированы так, чтобы не отпугнуть профессуру, находившуюся в оппозиции к общей политике столыпинского кабинета.

Именно так понял свою задачу министр просвещения П. М. Фов Кауфман. В пространном программном письме на имя П. А. Столыпина 9 ноября 1906 г. Кауфман выражал неверие в университетскую автономию, но в то же время выступал против возвращения к уставу 1884 г., приведшему «лишь к полному обезличению профессуры в глазах студентов и к тому хаосу, который мне теперь приходится расхлебывать». Принимая на себя задачу изгнания политики из учебных заведений (т. е. разгрома революционных студенческих организаций), Кауфман подчеркивал, что «те-

перь никакими резкими мерами ее достигнуть нельзя. Струна слишком натянута, и от крутого поворота она неминуемо должна лопнуть». Кауфман высказывал убеждение, что «если Министерству не иметь опоры в советах высших учебных заведений, то управлять этими заведениями оно не может», и предлагал «использовать то положение, в котором профессорские коллегии ныне очутились, став лицом к лицу к студенчеству не в качестве *невольных* исполнителей бюрократических распоряжений Министерства, безответственных критиков этих распоряжений и благородных защитников прав учащейся молодежи, а в качестве той самой распорядительной власти, которая должна бороться за свою власть, чтобы не быть совершенно обезличенной».¹ Иными словами, Кауфман предлагал использовать существовавшие противоречия между студенчеством и профессурой, для того чтобы усмирить студентов руками либеральных профессоров.

Наряду с точкой зрения, выраженной Кауфманом, в правящих верхах существовало и другое мнение, сторонники которого считали необходимой полную ликвидацию университетской автономии, нанесение удара одновременно и по профессуре, и по студенчеству. В самом правительстве приверженцами этого курса были находившиеся на крайнем правом фланге кабинета государствен-ный контролер П. Х. Швапебах и министр путей сообщения Н. К. Шауфус. За этот курс выступал влиятельнейший центр крайней реакции — Совет объединенного дворянства, — председатель которого гр. А. А. Бобринский 5 мая, в самый разгар подготовки Положения о студенческих организациях, представил Столыпину специальный меморандум. В меморандуме заявлялось, будто указания Николая II о пресечении беспорядков в учебных заведениях «остались без всякого исполнения со стороны центральных и местных органов учебного ведомства». Лидеры реакционного дворянства требовали, чтобы «апархическое состояние» (т. е. деятельность революционных организаций в стенах высшей школы) было «прекращено самыми решительными мерами, непосредственно от высшего правительства (курсив наш, — В. С.) исходящими»,² причем «для достижения этой цели следует устранить из состава преподавателей и должностных лиц учебного ведомства всех тех, кто вызывал беспорядки или хотя бы оказывал им попустительство (курсив наш, — В. С.)».³ Под последнюю категорию легко было подвести всю либеральную профессуру, а с точки зрения дворянской реакции — и самого Кауфмана.

По сути дела спор шел не о конечной цели, а о путях ее достижения, и тем не менее он проявлялся в достаточно острых формах. Борьба двух указанных течений и составляет историю Положения 11 июня 1907 г.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 138, л. 23—25.

² «Например?», — скептически отозвался Кауфман на полях меморандума.

³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 153, д. 472, л. 29.

Вопрос о студенческих организациях был поставлен в Совете министров в марте 1907 г. сначала в связи с обсуждением более частного предложения Министерства внутренних дел «об издании правил для поддержания порядка в общежитиях при учебных заведениях». Обеспокоенное тем, что студенческие общежития «стали опорными пунктами противоправительственного движения, местом для революционных собраний»,⁴ Министерство разработало и представило Совету министров проект правил об общежитиях, усиливавший полицейский контроль за ними и обязывавший администрацию учебных заведений принимать участие в этом контроле (т. е. вступать в открытый конфликт со студентами). Готовясь к обсуждению вопроса в Совете министров, Кауфман созвал совещание представителей учебных заведений, которое отзывалось об этих правилах «чрезвычайно отрицательно» и высказало убеждение, что принятие таких правил приведет не только к закрытию общежитий, но и к прекращению учебных занятий. Представители профессуры предложили полностью отделить общежития от учебных заведений и передать «их в частные руки или же в заведование особых правительственных органов».⁵ Вопрос был передан на рассмотрение Совета министров, где Швансбах немедленно придал ему более широкий характер. В своем заявлении Швансбах, поддержанный министром финансов В. Н. Коковцовым,⁶ выразил сомнение «в возможности достигнуть какого-либо урегулирования внутренней жизни общежитий при наблюдаемой ныне в учебных заведениях общей неурядице, исходным началом которой послужило предоставление университетам так называемой автономии, злонамеренно понятой в смысле полного освобождения высшей школы от правительственного контроля, обратившейся из храма науки в очаг дикой революции». Считая вопрос об автономии основным, Швансбах потребовал положить предел «необузданному своеволию учащихся и преступному попустительству учебного персонала».⁷

Большинство министров, видимо, не поддержало нападок Швансбаха на самый принцип университетской автономии, но выступило, согласно тексту журнала, за ее скорейшее возвращение «в определенные для нее законом границы, все следы коих ныне изгладились под влиянием произвольного хозяйничанья в стенах высшей школы самозваных студенческих организаций».⁸

При окончательном согласовании текста журнала Совета министров о студенческих общежитиях выявилось столкновение позиций правого крыла кабинета и его относительно «умеренных» чле-

⁴ Проект Особого журнала Совета министров 3 и 16 марта 1907 г. (экз. Н. В. Плеве). ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 762, л. 34.

⁵ Там же, л. 34 об.

⁶ А. А. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. М., 1924, с. 20—21.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 762, л. 35 и 35 об.

⁸ Там же, л. 35 об.

нов, не считавших возможным идти напролом. На позиции Кауфмана сказывались, естественно, соображения личного и ведомственного престижа. Поэтому он постарался смягчить критику положения в высших учебных заведениях, вычеркнув в своем экземпляре журнала фразу об их превращении в «опорные пункты» противоправительственного движения. Во фразе о границах автономии, занесенной в журнал в качестве общего мнения Совета министров, Кауфман заменил выражение «все следы коих ныне изгладились» словами «нарушаемые ныне», звучавшими менее категорически. Кроме того, он предложил дополнить эту фразу упоминанием о «слабости управляющих школами коллегий, терроризированных революционными группами молодежи», что, очевидно, должно было служить ответом на обвинение Шванебахом профессуры в «преступном попустительстве». Аналогичные исправления, сделанные министром торговли и промышленности Д. А. Filosoфым,⁹ свидетельствовали о явной согласованности позиций обоих министров.

Исправления Кауфмана и Filosoфова были учтены управляющим делами Совета министров Н. В. Плеве при составлении окончательного текста журнала,¹⁰ причем сам Плеве вычеркнул из изложения взглядов Шванебаха слова о превращении высших учебных заведений в «очаг дикой революции».¹¹ Окончательная редакция журнала свидетельствовала в общем о победе линии Кауфмана.

В надежде подкрепить свои позиции Кауфман созвал в первых числах апреля совещание руководителей высших учебных заведений, посвященное студенческим организациям. Однако вся профессура (за исключением представителей Киевского университета Св. Владимира) высказалась за необходимость признать существование студенческих центральных органов, в расчете, что в условиях легальности в них постепенно возьмут верх более умеренные (подразумевалось — кадетские) элементы. В этой обстановке даже выступивший на совещании товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров не только воздержался от нападок на университетскую автономию в целом, но и не потребовал безусловной ликвидации студенческого представительства. Предложенные им меры предусматривали только регламентацию деятельности студенческих организаций, которую «нужно ввести в русло и обставить вежами».¹²

Однако немедленно после совещания Кауфман и Макаров стали готовить правила о студенческих организациях, в которых речь

---

⁹ Там же, л. 45, 45 об. (экз. П. М. Кауфмана), 50 об., 51 об. (экз. Д. А. Filosoфова).

¹⁰ Особый журнал Совета министров 3 и 16 марта 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 762, л. 55, 56 об.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 762, л. 35 об., 56 об.

¹² Совещание начальников высших учебных заведений в апреле 1907 г. Протокол заседания 2 апреля. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 74.

шла не о «введении в русло» студенческого представительства, а о его фактической ликвидации.

В фонде Совета министров проект «Правил о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений» сохранился в двух машинописных вариантах (Кауфмана и Макарова¹³) и в печатном (в составе проекта Особого журнала Совета министров по этому вопросу). Судя по тексту, первоначальным являлся вариант Кауфмана, вариант Макарова появился в результате переработки предложений министра просвещения, а журнальный был плодом явного компромисса, приведшего к сознательно нечетким формулировкам, допускавшим различное толкование.

Наиболее существенные разночтения касались пункта 1-го. В варианте Кауфмана он был сформулирован следующим образом: «Студенческие организации, уставы коих не утверждены Советом университета или соответствующим органом других высших учебных заведений, признаются незаконными».¹⁴ Макаров переформулировал этот пункт в чисто полицейском духе: «Законопными признаются лишь такие студенческие организации, которые образованы на основании Высочайше утвержденных 24 августа 1902 г. правил или именного Высочайшего указа, последовавшего 4 марта 1906 г., если при том уставы этих организаций утверждены Советом университета или соответствующим органом других высших учебных заведений».¹⁵

Введение в проект ссылок на правила 24 августа 1902 г. и особенно на указ 4 марта 1906 г. крайне затрудняло возможность создания легальных студенческих организаций и давало основания для неограниченного полицейского вмешательства. Эта тенденция была настолько явной, что составители журнала Совета министров не сочли возможным принять макаровский вариант, и пункт 1-й был изложен в журнале в очень неопределенной форме: «Студентам высших учебных заведений разрешается образовывать организации, преследующие цели, не противные существующим узаконениям и правилам. Уставы таких организаций утверждаются Советом университета или соответствующею ему коллегиею».¹⁶

Глухая ссылка на «существующие узаконения и правила» позволяла при подходящей обстановке использовать против студенческих организаций правила 4 марта 1906 г., но одновременно давала возможность профессорским коллегиям, на усмотрение которых передавалось утверждение уставов, тракто-

¹³ Правила о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах высших учебных заведений. ЦГИА СССР. ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 1—2 (вариант Кауфмана), 3—4 (вариант Макарова).

¹⁴ Там же, л. 1.

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ Проект Особого журнала Совета министров 19 апреля 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 10 об.

вать вопрос более либерально, ограничиваясь требованием формальной легальности преследуемых учреждаемыми организациями целей. Иными словами, проект правил оставлял двери открытыми для дальнейших толкований в зависимости от общей расстановки сил в стране.

Пункты 2-й и 3-й во всех вариантах предусматривали, что учебные власти не могут предоставлять помещения студенческим организациям, а также принимать к сведению и обсуждению постановления тех из них, уставы которых не утверждены.

Центральное место в правилах занимал пункт 4-й, гласивший, что «никакие студенческие кружки, общества и иные организации не могут быть признаваемы в качестве представительных органов всех студентов данного учебного заведения». Уже в проекте Кауфмана предусматривалось, что не могут быть допущены сношения со студенческим представительством «органов управления высших учебных заведений».¹⁷ Но, видимо, эта формулировка была сочтена недостаточной, и в журнале Совета министров подчеркивалось, что в сношения не может вступать «учебное начальство (советы, ректоры, деканы, профессора)».¹⁸ Иными словами, с одной стороны, любой профессор объявлялся «начальством» для студентов со всеми вытекающими отсюда для обеих сторон последствиями, а с другой стороны, под запрещающее действие этого пункта попадали любые контакты профессоров (даже в качестве частных лиц) с существовавшими *de facto* студенческими представительными органами.

Правила предусматривали, что проведение в стенах высших учебных заведений публичных собраний возможно только на основании закона 4 марта 1906 г., т. е. практически невозможно, и тем самым ликвидировали завоеванную в 1905 г. (но уже фактически утраченную к 1907 г.) «экстерриториальность» университетов, позволявшую проводить в их стенах революционные собрания рабочих. Студенческие собрания рассматривались правилами как непубличные, и право их разрешения предоставлялось учебным властям, однако устроители и участники собраний (и разрешавшие их лица) несли ответственность за нарушение правил о собраниях, а самые собрания регистрировались в особой книге с обозначением «предмета собрания, места и времени». В первоначальном проекте Кауфмана специально не оговаривалось (хотя, очевидно, имелось в виду), что на студенческом собрании могут присутствовать только студенты данного учебного заведения. Этот важный, с полицейской точки зрения, пробел, открывавший возможность для межвузовских собраний, был немедленно замечен и устранен Макаровым,¹⁹ что отразилось и на журнальном тексте. Журнальный вариант правил шел в этом от-

¹⁷ Там же, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 11.

¹⁹ Там же, л. 3 об.

ношении еще дальше, вводя в круг вопросов, допускаемых к обсуждению студентами, ограничения, отсутствовавшие не только у Кауфмана, но и у Макарова. Согласно проекту журнала Совета министров (пункт 7-й), «предметами занятий таких собраний могут быть лишь вопросы ученого и учебного характера, а также дела, касающиеся внутренней жизни подлежащего учебного заведения». Эта оговорка, о дальнейшей судьбе которой еще будет идти речь, была направлена на недопущение политических собраний, но, как показал опыт, не достигала цели, ибо не только студенты, но и учебные власти нередко трактовали те или иные распоряжения Министерства просвещения и даже Министерства внутренних дел как «касающиеся внутренней жизни» данного учебного заведения и разрешали их обсуждение. Кроме того, буквально под эту формулировку подходило и обсуждение, например, вопроса об объявлении студенческой забастовки. Но специально для подобных случаев властью оставляли за полицией право «ввести своих чинов» «для проверки законности частного собрания студентов».²⁰

Что касается полиции, то при выработке правил возникла странная на первый взгляд ситуация. В проекте Кауфмана существовал специальный пункт, согласно которому «для ограждения зданий высших учебных заведений от вторжения посторонних лиц по распоряжению гражданской власти ко входам и выходам из зданий ставится полицейская стража».²¹ Этот пункт не был принят Макаровым и не попал в окончательный текст. Дело заключалось в том, что профессора не хотели заниматься сыском и выявлять посторонних в зданиях учебных заведений, предпочитая оставаться в стороне от этого грязного дела и справедливо полагая, что принятие ею на себя подобных функций сорвет ее надежды восстановить свое влияние среди студентов. Полицейские же власти, с одной стороны, не надеясь справиться своими силами, как раз хотели привлечь профессоров к политической слежке, а с другой стороны, боясь усиления влияния либеральной профессуры в студенческих рядах, рассчитывали, возложив на учебную администрацию полицейские функции, вбить этим клин между профессурой и студенчеством. Не выступая явно против курса Кауфмана, полицейское ведомство, однако, не верило в его успех да и не желало ему содействовать.

В целом проект правил нанес серьезный удар по студенческим организациям, ставя их перед выбором — или переродиться в аполитичные кружки учебного либо экономического характера (кассы взаимопомощи и т. п.), или вновь уйти в подполье. В то же время внесенные в проект в ходе его переработки редакционные изменения вступили в известное противоречие с замыслом, поскольку звучавшие откровенно полицейски формулировки

²⁰ Там же, л. 11 об.

²¹ Там же, л. 2.

правил не могли встретить сочувствия либеральных профессоров, и, следовательно, нельзя было рассчитывать на содействие последних при проведении этих правил в жизнь.

Текст самого журнала Совета министров, предварявший проект правил, также носил на себе отпечаток и линии Кауфмана, и мнений его оппонентов справа. Журнал открывался справкой, констатирующей неудачу устава 1884 г., встреченного «общим несочувствием как студентов, так и профессоров», а также «неточности определенных указом 27 августа 1905 г. границ самоуправления высших учебных заведений». В журнале утверждалось, что «революционные студенческие организации сумели захватить в свои руки почти всю власть в стенах учебных заведений» и «представляют серьезную опасность и для общественного порядка вне стен учебных заведений, направляя свои силы на революционную пропаганду и на совершение разного рода актов террористического характера», а общестуденческие сходки, запрещенные правилами 1902 г., тем не менее стали «обычным явлением» и «обращаются в большинстве случаев в многочисленные революционные митинги». В журнал попали также текстуально совпадавшие с выступлением Шванебаха при обсуждении вопроса об общежитиях формулировка о «злонамеренном» истолковании студентами границ автономии и обвинение профессуры в «ничем не оправдываемом попустительстве» студентам.²²

Линия Кауфмана отражалась в признании, что «волнения в высшей школе являются несомненно лишь отражением общего брожения в стране», и в декларации о готовности «дать возможность укрепиться основным началам, предначертанным» в указе 27 августа, и потому министр предложил ограничиться пока изданием правил о студенческих организациях и собраниях, «которые по мере возможности упорядочили бы эти стороны университетской жизни, точно указав, где кончается в этой области пользование предоставленными указом 27 августа 1905 г. правами».²³ В журнале при этом утверждалось, что, по мнению Совета министров, эти правила не противоречат «постановлениям указа 27 августа 1905 г. об автономии высших учебных заведений и не вводят в сущности ничего нового». С прямой ссылкой на мнение Кауфмана в журнале выражалась уверенность, что профессорские коллеги «ждут с нетерпением поддержки со стороны правительства в дело закономерного противодействия охватившей учебные заведения смуте», а потому следует воспользоваться их «столь благоприятным настроением»²⁴ и не вступать с профессурой в конфликт, а искать с нею сотрудничества.

В то же время Совет министров подчеркивал, что разработан-

²² Там же, л. 6—9.

²³ Там же, л. 8, 8 об.

²⁴ Там же, л. 9, 10.

ные правила являются лишь первым шагом, а для полного искоренения «анархии» в стезях университетов «потребуется принятие еще целого ряда самых решительных мероприятий, направленных к упрочению... начал разумно понятой автономии и... к внушению профессорским коллегиям сознания лежащей на них ответственности за поддержание правильного хода академической жизни».²⁵

Двойственная редакция журнала и правил по могла удовлетворить ни Кауфмана, ни его оппонентов.

На этот раз труд сформулировать возражения крайне правого фланга кабинета взял на себя министр путей сообщения Шауфус. Он прислал Плеве карандашную записку, озаглавленную «По содержанию журнала 19 апр.», в которой, «кроме частичных пометок в отношении отдельных слов или выражений на прилагаемом экземпляре»,²⁶ выдвигал свои более общие соображения. Прежде всего он полагал необходимым «не считать и не называть постановления указа 27 августа 1905 г. „автономией“ высших учебных заведений» и утверждал, что указ предоставлял университетским коллегиям лишь заботы о поддержании правильного хода учебной жизни, а «все, что не укладывается в эти рамки, должно подлежать ведению правительства». Далее Шауфус предлагал не ограничиваться указанием на недопустимость противозаконных и противоправительственных организаций студентов, а точно «характеризовать эти организации перечнем названий тех из них, которые могут быть допускаемы». В этой связи он считал неосторожным предоставлять советам учебных заведений право утверждать уставы студенческих организаций, «которые они могут изобретать в том случае, если такие организации не могут быть перечислены в проектируемом журнале». Шауфус предлагал пересмотреть «порядок отмены утвержденных советами студенческих организаций», если их уставы «окажутся почему-либо неудобными».²⁷

Одновременно с этой запиской Шауфус прислал свой вариант правил о студенческих организациях.²⁸ В пункте 1-м он пред-

²⁵ Там же, л. 9 об.

²⁶ Против этих слов, подчеркнутых в документе, на записке поставлен знак вопроса, поскольку экземпляр Шауфуса в деле отсутствует и, видимо, не был в него подшит с самого начала. Трудно сказать, забыл ли Шауфус вообще отослать свой экземпляр Плеве или тот по каким-либо соображениям не приобщил его к делу. Сравнение первоначального текста журнала с текстом, исправленным по замечаниям Кауфмана и Шауфуса, показывает, что учет замечаний Шауфуса свелся к вычеркиванию из журнала упоминаний об автономии и замене этого термина словами «права», «самоуправление», «полномочия профессорских коллегий» (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 23, 24 об., 38, 40 об.), о чем говорилось в его записке. Следов каких-нибудь исправлений Шауфуса, перенесенных с его экземпляра журнала, нам обнаружить не удалось.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 33—34.

²⁸ Там же, л. 35—36. — Этот документ также написан карандашом и никак не озаглавлен.

лагал перечислить в качестве допускаемых к учреждению организаций «научно-литературные кружки, кассы взаимопомощи, библиотеки, столовые, чайные, кружки занятий искусствами, для физических упражнений». Все, что не понадало в этот список, разрешенно не подлежало. Пункт 4-й Шауфус предлагал сформулировать более определенно, запретив «студенческие советы или комитеты старост или депутации», а пункт 7-й он дополнял положением, по которому правила о студенческих собраниях вырабатываются советами высших учебных заведений и утверждаются попечителями округов или другими соответствующими правительственными органами. Это уже являлось прямым нарушением указа 27 августа 1905 г., предоставившего администрации учебных заведений «заботы о поддержании правильности хода учебной жизни».²⁹

Вслед за тем Шауфус пошел еще дальше и предложил дополнить правила специальным пунктом, разрешавшим министрам закрывать студенческие организации, если их существование «окажется по тем или иным основаниям недопустимым».³⁰ Иными словами, не только правила о собраниях, но и уставы студенческих организаций изымались таким путем из ведения учебных властей и передавались в ведение соответствующих министерств, что означало резкое сужение предусмотренной указом 27 августа 1905 г. «автономии».

В журнале 19 апреля нет данных о непосредственном участии в прениях в Совете министров Шванебаха (в журнале вообще есть прямые ссылки только на Кауфмана). Не прислал Шванебах и замечаний на проект журнала. Но, не говоря уже об отмеченных выше заимствованиях из его выступления в марте, появивших в текст апрельского журнала, его позиция нашла свое отражение в ходе обсуждения в те же дни вопроса об открытии нового университета в Саратове. Против выступили Шванебах и товарищ морского министра контр-адмирал М. Ф. Бострем, которые заявили, что высшая школа в России превратилась «из храма науки в опорные пункты революционного движения» (снова формулировка из журнала 3 и 16 марта об общежитиях), а открытием нового университета, «вместо того чтобы локализовать и тушить разгоревшийся пожар, готовится для него новый очаг».³¹

Если замечания Шауфуса, безусловно пользовавшиеся поддержкой Шванебаха и Бострема, были направлены на возможно большее сужение университетской автономии и ужесточение правил о студенческих организациях, то многочисленные и пространственные поправки Кауфмана преследовали цель смягчить кри-

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1905, отд. I, № 154.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 44.

³¹ Особый журнал Совета министров 10 и 13 апреля 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 10, л. 62—63.

тику в адрес профессуры и отчасти студенчества, представить картину положения в высшей школе менее острой.

Указанные тенденции отчетливо прослеживаются в редакционной правке, сделанной Кауфманом. Утверждение, что революционные студенческие организации захватили «почти всю власть в стенах учебных заведений», Кауфман изменил, написав «во многих учебных заведениях»; категорическое заявление, что студенческие организации направляют свои силы на революционную пропаганду и «совершение разного рода актов террористического характера», он заменил фразой о том, что эти организации являются орудием для пропаганды, «а может быть (курсив наш, — В. С.), и актов террористического характера»; в обвинении, что студенческие собрания обращаются в революционные митинги «в большинстве случаев» последние слова были заменены словом «нередко». Вместо обвинения профессуры в том, что она не обращала внимания на заявления полиции о беспорядках в университетах, Кауфман написал, что профессура оказывалась бессильной водворить порядок. Точно так же фраза о профессуре, отдавшей дань «так называемому освободительному движению», была им вычеркнута, а вместо нее вставлены слова об известной растерянности профессоров «под влиянием общей смуты».³²

Кауфман вставил также целый абзац о совещании с представителями высших учебных заведений, проведенном им для «выяснения мер, подлежащих принятию для скорейшего направления нашей школы в русло законности». В этой вставке особенно чувствовалось желание обелить Министерство и оградить его от обвинений в бездействии. Но, явно учитывая опыт совещания, Кауфман не рискнул оставить в журнале утверждение (им же первоначально сделанное), будто профессора «ждут с нетерпением» поддержки правительства, и заменил его на осторожное и двусмысленное — «нуждаются в поддержке».³³

Вычеркнул Кауфман и настойчиво повторяющуюся мысль о необходимости дальнейших «самых решительных» мероприятий для наведения порядка в учебных заведениях, но зато вставил в эту фразу упоминание о том, что процесс длителен и для него потребуется «время».³⁴ И из журнала, и из проекта правил Кауфман вновь убрал введенное туда Советом министров ограничение повестки дня студенческих собраний вопросами учебного характера и внутренней жизни заведения,³⁵ очевидно, понимая неосуществимость этого требования на практике и не желая увеличивать число поводов для конфликтов между студентами и вузовской администрацией.³⁶

³² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 22, 23, 24 об.

³³ Там же, л. 23, 25.

³⁴ Там же, л. 24 об.

³⁵ Там же, л. 24, 26.

³⁶ Однако уже в декабре сам Кауфман предложил Совету министров разъяснить учебным властям, что собрания могут проводиться «лишь

Желая сделать редакцию правил менее вызывающей, Кауфман вычеркнул все упоминания о законе 4 марта 1906 г., заменив их обтекаемыми выражениями, в конечном счете означавшими то же самое, а право полиции «ввести» на собрание своих чинов заменил правом «командировать» их,³⁷ что звучало более благопристойно. Поскольку его предложение об организации полицейских постов у входов в учебные заведения было отвергнуто, Кауфман, зная тенденцию не подлежащих оглашению документов российских канцелярий становиться известными, предпочел не оставлять в журнале следов своей инициативы в таком щекотливом вопросе.³⁸

Продержав у себя документ более 20 дней и вернув его Плеве лишь 10 мая с пожеланием «либо еще раз разослать исправленную корректуру, либо заслушать окончательную редакцию правил в Совете»,³⁹ Кауфман, кроме искреннего поправками экземпляра журнала, прислал совершенно новый вариант его вступительной (справочной) части, чтобы, очевидно, заменить им текст, составленный после заседания 19 апреля. Вариант отпечатан на машинке и имеет рукописное название, сделанное кем-то из чиновников канцелярии Совета министров: «Справка (Прислана Министром Нар. Просвещ. и им же написана)».⁴⁰ В этой справке Кауфман почти полностью убрал критику положения в высшей школе, отметив лишь, что «спокойной и непрерывной работе трудящихся студентов препятствуют ничего общего с задачами школы не имеющие выступления на почве политической борьбы другой части студенчества»,⁴¹ и ничего не сказав о позиции профессуры.

Машиннописная «справка» Кауфмана не была принята Плеве во внимание при составлении «редакции, исправленной согласно замечаниям министров народного просвещения, путей сообщения и торговли и промышленности»,⁴² но вся его правка на полях была внесена в текст с отдельными стилистическими изменениями. Требование Шауфуса не пользоваться термином «автономия» тоже, как уже отмечалось, было принято, а его редакция самих правил отвергнута. Затем по предложению Кауфмана

по академическим вопросам, имеющим отношение к данному учебному заведению» (Особый журнал Совета министров 18 декабря 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 144). Это было, очевидно, вызвано прошедшими в ноябре митингами протеста против суда над социал-демократической фракцией 2-й Думы и солидарности со студентами Киевского университета, исключенными за участие в забастовке.

³⁷ Проект Особого журнала Совета министров 19 апреля 1907 г. (эка. Кауфмана), ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 26 об.

³⁸ Там же, л. 24.

³⁹ Там же, л. 21.

⁴⁰ Там же, л. 28—32.

⁴¹ Там же, л. 31.

⁴² Там же, л. 37—43. — О Философове в заголовке упомянуто лишь из вежливости, ибо он внес несколько чисто формальных поправок. Остальные министры вообще не прислали замечаний.

в журнал были внесены еще некоторые уточнения, самым существенным из которых была замена указания на «царящую» и высшей школе «анархию» словами, говорящими о «проявляющейся анархии».⁴³ Кауфман, таким образом, еще раз смягчил критику своего ведомства. В этом виде журнал Совета министров и правила были приняты на заседании 29 мая, а 11 июня представлены на утверждение Николаю II.

Николай II выразил недовольство редакцией пункта 2-го правил, сочтя ее слишком слабой.⁴⁴ Статья действительно была сформулирована с юридической точки зрения четко: после слов о том, что организации, не имеющие утвержденных уставов, признаются незаконными, следовало: «и никакими правами не пользуются. Поэтому подобным незаконным организациям не могут быть предоставляемы помещения в зданиях высших учебных заведений». Николай зачеркнул весь этот текст, написав на полях: «Еще бы!».⁴⁵ С этой высочайшей поправкой правила и были опубликованы в виде Положения Совета министров в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» (10 июля 1907 г., № 111, ст. 937).

Формально в результате обсуждения правил о студенческих организациях и собраниях одержал победу Кауфман. Ему удалось смягчить критику положения в высшей школе, ввести в текст журнала рассуждение о длительности процесса «успокоения», казалось бы, дававшее ему время для маневра, снять наиболее откровенно полицейские формулировки самих правил. Но главным в правилах оставалось их полицейско-охранительное содержание: запрет студенческих представительных органов, право полиции вторгаться в учебные заведения по собственному почину без вызова ректора.

Двусмысленная политика «переходного» министра, каким по существу являлся Кауфман, не могла не закончиться провалом. Хотя первоначальная реакция студентов свидетельствовала об известной растерянности, уже осенью 1907 г. в ряде университетов произошли студенческие волнения, принявшие наиболее острый характер в Киеве. Обстановка временного спада студенческого движения внушала либеральной профессуре надежду на упрочение ее влияния среди студентов при посредстве легальных организаций. Поэтому профессура решила попробовать использовать Положение 11 июня не в том духе, в каком оно было задумано, и, основываясь на своем праве утверждать уставы студенческих организаций, легализовать под другим названием советы

---

⁴³ Ср. 2-й проект Особого журнала Совета министров 19 апреля 1907 г. (экз. Кауфмана) (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 48 об.) и Особый журнал Совета министров 19 апреля и 29 мая 1907 г. (там же, л. 91 об.).

⁴⁴ Особый журнал Совета министров 19 апреля и 29 мая 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 3, д. 800, л. 95.

⁴⁵ Там же, л. 100.

старост. Кауфман, таким образом, не справился со своей задачей и был на рубеже нового 1908 г. заменен А. Н. Шварцем. С его приходом в Министерство «вечная в самодержавной России борьба с студенческими организациями приняла, — как писал В. И. Ленин, — форму похода... против автономии, которой студенты пользовались, пока самодержавию было „не до студентов“, и которую самодержавие не могло не начать отнимать, оставаясь самодержавием».⁴⁶

В условиях, когда правительство от попыток «умеренной» политики и поисков соглашения с профессурой перешло к ничем не прикрытому наступлению на студенчество, формулировки Положения 11 июня, допускавшие различное толкование, становились ненужными и даже неудобными для царских властей.

Начатое еще при Кауфмане циркулярное «разъяснение» Положения 11 июня, преследовавшее цель сделать рамки, в которые были поставлены студенческие организации и собрания, как можно более жесткими и тесными, по прямому указанию Столыпина было форсировано при Шварце, а затем при сменившем его Л. А. Кассо и завершилось 11 января 1911 г. приостановкой действия Положения 11 июня и полным запретом всяких студенческих собраний. Но этот акт правительства пришелся уже на новый период в истории демократического движения в России, когда студенческое движение вновь вышло за пределы стен учебных заведений и когда В. И. Ленин, отметив «впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих», с радостью увидел в них один из признаков того, что «полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема».⁴⁷

---

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 214.

⁴⁷ Там же, т. 20, с. 74.